

X.

Счастливъ еще: его мученя
Друзья готовы раздѣлять
И вмѣстѣ плакать и рыдать...
Но кто сего ужъ утѣшеня
Лишень въ сей жизни слезъ и бѣдъ,
Кто въ цвѣтѣ юныхъ пылкихъ лѣтъ
Лишень того, чѣмъ сердце льстило,
Чѣмъ счастье издали манило—
И если годы унесли,
Пору цвѣтовъ искать какъ прежде
Минутной радости въ надеждѣ,—
Пусть не живетъ тотъ на земли! [Ѣ].

XI.

Такъ плѣнникъ мой съ родной страной
Почти навѣкъ «прости!» сказалъ,
Терзая прошлою мечтою,
Ея мѣста воспоминалъ:
Гдѣ онъ провелъ златую младость
Гдѣ испыталъ и жизни сладость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ зналъ веселье и страданья,
Гдѣ онъ, несчастный, погубилъ
Святыя сердца упованья...

XII.

Онъ слышалъ слово: «навсегда!»
И, обреченный тяжкой долѣ,
Почти сдружился онъ съ неволей.
Съ товарищами иногда
Онъ пасъ черкесскія стада;
Глядѣлъ онъ съ ними, какъ лавины
Катятся съ горъ и какъ шумятъ,
Какъ лавой свѣжною блестятъ,
Какъ ими кроются долины.
Хотя цѣпами скованъ былъ,
Но часто къ Терекъ ходилъ
И слушалъ онъ, какъ волны воютъ,
Подшвы скалъ угрюмо роютъ,
Текутъ средь дебрей и лѣсовъ...
Смотрѣлъ, какъ въ высотѣ холмовъ
Блестятъ огни сторожевые;
И какъ вокругъ нихъ казаки
Глядятъ на мутный токъ рѣки,
Склонясь на копы боевые.
Ахъ! какъ желалъ бы тамъ онъ быть,
Но цѣпъ мѣшала переплыть.

XIII.

Когда же полдень надъ главою
Горѣлъ въ лучахъ, то плѣнникъ мой
Сидѣлъ въ ущельѣ, гдѣ отъ зною
Онъ могъ сокрыться. Подъ горой
Ходили табуны.—Лежали
Въ тѣни другіе пастухи,
Въ кустахъ, въ травѣ и близъ рѣки,
Въ которой жажду утоляли...
И тамъ-то плѣнникъ мой глядитъ,
Какъ иногда орелъ летитъ,
По вѣтру крылья простираетъ,
И, видя жертвы межъ кустовъ,

Когтѣми хватаетъ вдругъ—и вновь
Ихъ съ крикомъ къверху поднимаетъ...
«Такъ, думалъ онъ: я жертва та,
Котора въ пищу имъ взята»

XIV.

Смотрѣлъ онъ также, какъ кустами
Иль синей степью, по горамъ,
Сайгаки съ быстрыми ногами
По камнямъ острымъ, по кремнямъ
Летятъ, стремнины презирая...
Иль какъ олень и лань младая,
Услыша пѣнье птицъ въ кустахъ,
Со скалъ, не шевелясь, внимаютъ—
И вдругъ внезапно исчезаютъ,
Взвивая вверхъ песокъ и прахъ.

XV.

Смотрѣлъ, какъ горцы мчатся къ бою,
Иль скачутъ смѣло надъ рѣкою,
Остановились. Лошадей
Толкаютъ смѣлою ногою...
И вдругъ, прижавъ къ луку своей,
Близъ береговъ они мелькаютъ:
Стремятъ и, снова поскакавъ,
Съ утеса падаютъ стремглавъ
И...

... Шумно въ брызгахъ исчезаютъ.
Потомъ плывутъ, и достигаютъ
Уже противныхъ береговъ.
Они ужъ тамъ, и въ тѣмъ лѣсовъ
Себя отъ казаковъ скрываютъ.
... Куда глядите, казаки?
Смотрите, волны у рѣки
Сѣдою пѣной забѣлѣли!
Смотрите, враны на дубахъ
Вострепенулись, улетѣли,
Сокрылись съ крикомъ на холмахъ!—
Черкесы путника арканомъ
Въ свои ущелья увлекаютъ
И, скрытые ночнымъ туманомъ,
Оковы смерти вамъ нанесутъ.

XVI.

И часто, отгоняя сонъ,
Въ глухую полночь смотритъ онъ,
Какъ иногда черкесъ чрезъ Терекъ
Плыветъ на вѣрномъ тулукѣ.¹
Бушуютъ волны на рѣкѣ,
Въ туманѣ виденъ дальній берегъ.
На шѣ предъ нимъ висятъ кругомъ
Его оружія стальные:
Колчанъ, лукъ, стрѣлы боевыя;
И пашка острая, ремнемъ
Привязанна, звенитъ на немъ;
Какъ точка, въ волнахъ онъ мелькаетъ:
То виденъ вдругъ, то исчезаетъ...
Вотъ онъ причалилъ къ берегамъ—
Бѣда безпечнымъ казагамъ!

¹ Тулукъ—бурдюкъ или мѣхъ, коимъ горцы пользовались при переправахъ въ плавь (Примѣч. изъ изд. Висков.).